

«Общественный договор» в оценке русских социологов и представителей философии права

А. С. АЛЕКСЕЕВ

Политическая доктрина Ж.-Ж. Руссо в ее отношении к учению Монтескье о равновесии властей и в освещении одного из ее новейших истолкователей <в сокращении>

ВСТУПЛЕНИЕ

Теории Руссо и Монтескье провели глубокую борозду на пути развития современного государства, и всякий, задумывающийся над этим развитием, невольно обращает свою испытующую мысль на доктрины, созданные автором «Общественного договора» и творцом «Духа законов».

Учения Руссо и Монтескье имели самое решительное влияние на политический символ веры передовых людей той эпохи, которая ознаменована крутым переворотом в общественном и политическом строе западного государства, и выставленные ими принципы являются теми началами, которые проводят наиболее резкую грань между государством старого порядка и современным правовым государством. Никто ярче Руссо не определил природу государства как союза, основанного на начале равенства, другими словами, как союза общественного, а не личного господства, никто решительнее его не выставил требования, по которому в государстве должна господствовать не личная воля правителя или правителей, а закон как выражение общей воли, никто резче его не провел различия между законом и административным распоряжением, на котором покоится отношение органов верховного управления к орга-

нам подчиненного управления. В свою очередь Монтескье своим своеобразным истолкованием английской конституции более других политических писателей содействовал торжеству доктрины, требующей, чтобы в современном государстве разнородные функции верховной власти распределялись и между разнородными органами, из которых ни один не обладал бы всею полнотою верховной власти и сфера деятельности каждого из которых находила бы свои пределы в границах компетенции остальных органов.

Эти принципы не являются, конечно, исключительно плодом творческой деятельности Руссо и Монтескье: они были подготовлены всем предшествующим развитием политической мысли, но никто до появления «Духа законов» и «Общественного договора» не высказывал их с такою резкостью, яркостью и силой, как это сделали именно Руссо и Монтескье, и никто не вылил их в такие цельные и законченные доктрины.

Неудивительно поэтому, что эти два корифея политической мысли XVIII ст[олетия] не перестают находить себе все новых истолкователей и что литература о них с каждым новым поколением обогащается все новыми произведениями, расширяющими круг сведений об их жизни и деятельности и углубляющими смысл и значение их доктрин. Всякий, касающийся в своих трудах истории политической мысли Нового времени или толкующий об основных вопросах государственного права, невольно встречается с принципами, установленными в «Духе законов» и в «Общественном договоре», и нет в современной литературе сочинения по общему государственному праву, в котором доктрины Руссо и Монтескье не были бы освещены с той или другой стороны. Рядом с общими сочинениями по государственному праву, отводящими широкое место доктрине народного суверенитета и учению о разделении властей, мы можем указать и на целый ряд специальных монографий, появившихся за последнее время и посвященных Монтескье и Руссо. Работа Дюгюи¹ «Учение о разделении власти Монтескье» обратила на себя всеобщее внимание и послужила поводом к оживленному обмену мыслей о значении теории равновесия властей. Но особенно посчастливилось за последнее время Руссо, доктрина которого в течение последних тринадцати лет вызвала целую многотомную литературу.

В 1887 году мы издали два тома, посвященные Руссо. В первом томе мы изучаем жизнь и деятельность Руссо во время его пребывания в Париже от 1748 до 1762 г., во втором мы, на основании новых рукописных данных, собранных на-

ми в библиотеках Женевы и Невшателя, излагаем внешнюю историю «Общественного договора» и исследуем связь политической доктрины Руссо с государственным бытом Женевы. К этому тому мы приложили, кроме других документов, и первоначальный текст «Общественного договора». Это издание дало толчок новым работам о Руссо: появился ряд исследований, которые, воспользовавшись собранным нами материалом, частью подтвердили наши выводы, частью внесли в них дополнения и коррективы.

Этой литературой и воспользовался г. Ковалевский для той части своего обширного труда «Происхождение современной демократии», в которой он говорит о родоначальниках «теории демократической монархии»². В этом отделе своего исследования он подробно изучает доктрины Монтескье и Руссо в их происхождении, в их отношении друг к другу и в их влиянии на доктрину французской революции. Освещая всесторонне эти две политические теории, г. Ковалевский высказывает целый ряд своеобразных взглядов, важнейшие из которых мы и хотим проверить на последующих страницах.

Центральным тезисом г. Ковалевского является положение, что между учением Руссо о народном суверенитете и доктриной Монтескье о равновесии властей не существует принципиального различия и что эти два писателя сходятся в своих воззрениях на отношения законодательной власти к власти правительственной.

Мы вместе с другими новейшими истолкователями и критиками этих двух учений держимся иного воззрения. Для того чтобы обосновать его и иметь твердую точку опоры для критического отношения к выставляемому г. Ковалевским положению, мы хотим прежде всего дать читателю систематическое изложение как учения Руссо, так и доктрины Монтескье; при этом мы особенно подробно остановимся на исходных тезисах этих двух мыслителей, характеризующих их воззрения на ту политическую свободу, которую должно гарантировать государство, и затем изложим во всех существенных деталях их воззрения на природу государственной власти и отношение законодательной власти к власти правительственной, т. е. на тот вопрос, по которому, на наш взгляд, вопреки мнению г. Ковалевского, всего резче расходятся Руссо и Монтескье и который вместе с тем является коренным вопросом современного конституционного права.

III. РАЗЛИЧИЕ В ВОЗЗРЕНИЯХ РУССО И МОНТЕСКЬЕ НА ОТНОШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ К ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ

Все политическое учение Руссо проникнуто глубокой верой в непогрешимость народной воли: голос народа — голос Бога на земле, и чем этот голос слышится чаще, чем он раздается непосредственнее и свободнее, чем безропотнее ему подчиняются и правители и граждане, тем лучше устроено государство и тем более обеспечена в государстве политическая свобода.

Совершенно иной мотив звучит в доктрине Монтескье: она, в противоположность учению Руссо, внушена недоверием к человеческой природе и стремится обставить носителей власти целым рядом сдержек, которые стесняли бы их свободу и предупреждали свойственное всем людям стремление злоупотреблять предоставленной им властью.

В государстве Руссо вся полнота верховной власти покоится в руках народа, который осуществляет ее частью непосредственно, частью через своих слуг. Народ-суверен является, таким образом, органом, который обладает властью непосредственной, ни в ком и ни в чем не находящей себе границ, кроме тех правил, которые он сам себе ставит.

В государстве Монтескье такого суверенного органа нет, а существует ряд органов, между которыми распределяются различные функции верховной власти. Ни один из них не пользуется неограниченной властью, и власть каждого из них служит сдерживающим фактором, умеряющим власть другого.

Руссо, веря в непогрешимость народной воли, убежден, что обеспечить в государстве за народом *неограниченную власть* значит обеспечить господство законов справедливых и поэтому устойчивых.

Монтескье же всякую неограниченную власть, откуда бы она ни исходила и в чьих бы руках она ни находилась, считает злом, нетерпимым в благоустроенном государстве. Достоинство государственного устройства, по его учению, зависит не от того, в чьих руках находится власть, а от действительности тех условий, которые умеряют и ограничивают эту власть.

Руссо, как и Монтескье, различает власть законодательную и власть правительственную и, признавая их разнородность,

считает нужным, подобно автору «Духа законов», поручать их и разнородным органам. Но Руссо во имя безусловного господства народной воли как источника законов признает верховной властью власть законодательную, принадлежащую народу; в правительственной же власти видит подчиненную функцию, отправление которой должно быть поручено подзаконным органам, учреждаемым народом-сувереном, от него получающим свои полномочия и действующим под его надзором.

По учению же Монтескье, верховенство столько же проявляется в законодательной власти, сколько и в правительственной власти. Обе эти власти равноправны и равносильны; ни одна из них не подчинена другой, и обе, вращаясь свободно и независимо в сфере своей компетенции, своими полномочиями умеряют и ограничивают друг друга.

Это различие в воззрениях Руссо и Монтескье на юридическую природу правительственной власти обуславливает собою и различие воззрений этих двух мыслителей на организацию правительственной власти и на отношение ее к законодательной.

Правительственная власть поручается в государстве Руссо подчиненным органам, избираемым народом-сувереном из своей среды и на определенный срок: эти органы, кто бы они ни были, монарх ли, аристократическое ли меньшинство или демократическое большинство, суть не что иное, как слуги народа и черпают свою власть в воле народа, ей безусловно подчинены и отправляют свои полномочия лишь до тех пор, пока на то будет соизволение народа, который имеет право не только сменять правителей, но и изменять самую форму правления.

В государстве же Монтескье носитель верховной правительственной власти такой же самостоятельный и непосредственный орган, как и законодательный корпус; монарх существует в силу самого государственного устройства, никому не обязан своею властью и ни от кого не получает своих полномочий, а правит в силу самостоятельного права. Если Руссо признает законным лишь то правительство, которое избирается народом из среды народа, то Монтескье, совершенно наоборот, видит в избрании правителей из среды законодательного корпуса нарушение основных требований, которым должно удовлетворять государственное устройство, имеющее свою задачей охранять политическую свободу. «Если бы не было монарха, — говорит Монтескье, — и власть правительственная была бы

поручена известному числу лиц, взятых из законодательного корпуса (*Tirées du corps législatif*), то не существовало бы свободы, так как обе власти были бы соединены; одни и те же лица имели бы право иногда и могли бы всегда участвовать и в той и в другой».

По учению Руссо, опасность политической свободе не может грозить со стороны законодательной власти; она, как общая воля, судящая о предметах общего интереса, всегда справедлива; опасность может грозить лишь со стороны правительственной власти, носители которой всегда склонны злоупотреблять властью в своих интересах и в ущерб общим интересам. Эта правительственная власть и должна поэтому быть ограничена целым рядом норм, которые безусловно подчинили бы ее власти законодательной.

По учению же Монтескье, опасность политической свободе грозит со стороны всякой власти; она грозит ей столько же со стороны законодательной власти, сколько и со стороны правительственной: обе поэтому нуждаются в сдержках; но так как правительственная власть ограничена уже по самой природе своей, законодательная же по существу свободна, то последняя и должна быть обставлена сравнительно с правительственной гораздо большими сдержками, предупреждающими свойственное законодательной власти стремление подчинить себе власть правительственную.

Нормы, определяющие отношения законодательной власти к правительственной, в государстве Руссо исходят из того принципа, что законодатель — суверен, владыка, а правители — его слуги, в государстве Монтескье они вытекают из противоположного начала, а именно из того принципа, по которому власти законодательная и правительственная равносильны и равноправны и в обеих в одинаковой степени проявляется верховенство. Эти нормы в государстве Руссо безусловно подчиняют правительственную власть законодательной, в государстве же Монтескье они их ставят рядом и имеют своей целью обеспечить каждой из них самостоятельность и независимость и способность взаимно сдерживать и ограничивать друг друга.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ВОЗЗРЕНИЯ Г-на КОВАЛЕВСКОГО
НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ДОКТРИНУ РУССО

1. Воззрение г. Ковалевского на отношение учения Руссо о государственной власти к доктрине Монтескье о равновесии властей

Только что указанное нами различие в воззрениях Руссо и Монтескье на отношение законодательной власти к правительственной настолько резко и очевидно, что, казалось бы, не может вызывать никаких сомнений и недоразумений. Между тем г. Ковалевский в своем последнем труде выступает с воззрением, отрицающим это различие и утверждающим, что Руссо признавал пользу разделения и равновесия властей в том же самом смысле, в каком их понимал Монтескье. Он говорит: «Мне кажется, что до сих пор не было обращено достаточного внимания на тот факт, что ни Руссо, ни Мабли нимало не являются противниками той теории разделения и равновесия властей, которую Монтескье считает необходимым условием политической свободы». Указав далее на отношение Мабли к доктрине Монтескье, г. Ковалевский продолжает: «Что же касается до Руссо, то его отношение к теории разделения и ее автору еще более сочувственно. Он не только требует обособления законодательства от исполнения, но и *говорит о пользе равновесия властей в том самом смысле, в каком понимает его Монтескье*»*. Это утверждение, как мог убедиться читатель из всего предшествующего изложения, безусловно неверно. Руссо не мог говорить о пользе равновесия властей уже по той простой причине, что он самого равновесия не допускал; равновесие властей предполагает равенство властей; равенство же это невозможно в государстве Руссо, в котором подчинение правительственных органов власти законодательной является важнейшим условием господства в государстве закона как выражения общей воли. Г-н Ковалевский не может, конечно, не знать этого: и он, действительно, на одной из последующих страниц своего

---

* Происхождение современной демократии. Т. I. Ч. IV. С. 331, 332.

труда* прямо говорит, что «Руссо низводит правительство до роли простого уполномоченного, действующего в чужом интересе». Но если это так, если правительство только подчиненный орган, то какое же может существовать равновесие между властью подчиненного органа, с одной стороны, и властью суверена — с другой?

Г-н Ковалевский этим противоречием, однако, несколько не смущается. Оставляя в стороне принципиальные рассуждения Руссо об отношении законодательной власти к правительственной, он вылавливает из его сочинений отдельные места, которым и придает совершенно произвольное значение, приравнивая их к выставленному тезису о тождестве воззрений Руссо и Монтескье на соотношение государственных властей.

Мы приведем все эти цитаты г. Ковалевского с целью восстановить их настоящий смысл и показать, что Руссо в них несколько не изменяет своим основным воззрениям.

Первая цитата в передаче г. Ковалевского гласит: «Правительство (имеется в виду исполнительная власть) получает от верховного законодателя (Souverain), которым, по учению Руссо, может быть только народ, приказы и передает эти приказы управляемым. Для того чтобы государство пребывало в состоянии равновесия, необходимо, чтобы существовало равенство власти между правительством (исполнительной властью) и совокупностью граждан, в руках которых находится суверенитет и поэтому власть законодательная**». Если бы эти слова точно передавали мысль автора «Общественного договора», то следовало бы признать, что Руссо, требуя равенства или, что одно и то же, равновесия между властями правительственной и законодательной, становится здесь в прямое противоречие с основным началом своей политической доктрины, требующим безусловного подчинения правительственной власти власти законодательной. Но слова эти принадлежат не Руссо, а г. Ковалевскому: они представляют собою не что иное, как неточный перевод нескольких фраз из первой главы третьей книги «Общественного договора», которые могут быть поняты лишь в связи с предшествующими рассуждениями Руссо. Мы их и приведем здесь целиком, и читатель увидит, что цитата г. Ковалевского доказывает прямо противоположное тому, что он предполагал ею обосновать. Дав определение правительства,

---

* Там же. С. 437.

** Там же. С. 333.

которое мы привели выше, Руссо продолжает: «Таким образом, те, которые утверждают, что акт, в силу которого народ подчиняется вождям (*à des chefs*), не есть договор, вполне правы. Это не что иное, как поручение (*comission*), должность (*un emploi*). В силу этого поручения они, простые слуги суверена, отправляют его именем власть, которую он им доверил и которую он может ограничивать, видоизменять и взять обратно, когда ему заблагорассудится, так как отчуждение такого права несогласно с природою политического тела и противоречит цели союза. Я, таким образом, называю правительством или высшей администрацией закономерное отправление правительством власти, а монархом (*prince*) или магистратом то лицо или учреждение, которому поручена эта администрация. В правительстве и кроются те промежуточные силы, отношения которых образуют отношения целого к целому или суверена к государству. Это последнее отношение можно выразить через крайние члены непрерывной пропорции, средняя пропорциональная которых и есть правительство. Правительство получает от суверена предписания, которые оно передает народу, и чтобы государство оставалось в надлежащем равновесии, необходимо, чтобы, при равенстве остальных условий, существовало равенство между властью правительства, взятого самого по себе, и властью граждан, которые являются суверенами, с одной стороны, и подданными — с другой». Приведенные рассуждения Руссо, из которых г. Ковалевский цитирует лишь последние фразы, переделываемые им, кроме того, по-своему, не только не говорят о равновесии между властями законодательной и исполнительной, а, наоборот, самыми резкими чертами подчеркивают подчиненность последней — первой. В приведенном месте Руссо вовсе не говорит о равновесии между властями законодательной и исполнительной, а о том равновесии в государстве, которое достигается надлежащими отношениями между правительством и народом как сувереном, с одной стороны, и правительством и народом как совокупностью граждан — с другой.

Эти отношения Руссо сравнивает с отношениями членов непрерывной пропорции, средняя пропорциональная которых есть правительство. Уже одно это сравнение должно было показать г. Ковалевскому, что Руссо здесь не говорит о равенстве между властью законодательной и правительственной, ибо ему, нужно надеяться, неизвестно, что средняя пропорциональная в непрерывной пропорции не может быть равна крайним членам этой пропорции.

Г-н Ковалевский приводит далее из той же первой главы третьей книги «Общественного договора» строки, непосредственно следующие за теми, которые мы только что цитировали. Вот эти строки (в нашем переводе). «Тем более нельзя изменять ни одной из трех величин, не нарушая этим немедленно самой пропорции. Если суверен захочет управлять, или если должностные лица (magistrats) захотят издавать законы, или если подданные откажутся повиноваться, то беспорядок сменяет порядок, сила и воля перестают действовать согласно и разложившееся государство впадет или в деспотизм, или в анархию»*. Мы совершенно недоумеваем, к чему г. Ковалевскому понадобилась эта цитата; в ней говорится о распределении государственных функций в точном согласии с основными принципами Руссо, и она никаких даже отдаленных намеков на равновесие властей в смысле Монтескье в себя не включает.

Следующая цитата, приводимая г. Ковалевским, взята из «*Considérations sur le gouvernement de Pologne*». Она гласит: «Существенный недостаток польской конституции (un vice dans la constitution polonaise) заключается в том, что в ней законодательство недостаточно различается от администрации и что сейм, отправляющий законодательную власть, приравнивает к ней и части управления, совершая безразлично как акты суверенитета, так и правительственные акты, а подчас и акты смешанные, так что члены сейма выступают в одно и то же время и правителями и законодателями»**. Здесь Руссо

---

* De plus, on ne saurait altérer aucun des trois termes sans rompre à l'instant la proportion. Si le souverain veut gouverner, ou si le magistrat veut donner des lois, ou si les sujets refusent d'obéir, le désordre succède à la règle, la force et la volonté n'agissent plus de concert, et l'Etat dissous tombe ainsi dans le despotisme ou dans l'anarchie.

** C'est un vice dans la constitution polonaise, que la législation et l'administration n'y soient pas assez distinguées et que la diète exerçant le pouvoir législatif y mêle des parties d'administration, fasse indifféremment des actes de souveraineté et de gouvernement, souvent même des actes mixtes, par lesquels ses membres sont magistrats et législateurs tout à la fois. Г-н Ковалевский переводит: «Существенным недостатком разбираемой им польской конституции является то, что в ней исполнение не в достаточной степени отделено от законодательства и что сейм, орган законодательной власти и в то же время осуществляет некоторые административные функции».

повторяет свой взгляд на необходимость выделения правительственных актов из сферы непосредственной деятельности суверена законодателя, так определенно высказанный и так хорошо мотивированный им в «Общественном договоре» и имеющий так мало общего с воззрением Монтескье на власть законодательную и власть правительственную как на две равносильные, взаимно сдерживающие друг друга, власти. И как в «Contrat social», так и в «Considérations sur le gouvernement de Pologne» Руссо настаивает на подчинении правительственных органов законодателю-суверену. Это вытекает, между прочим, из следующего приводимого г. Ковалевским места: «Для того чтобы администрация была сильной, хорошей и верно шла к своей цели, вся правительственная власть должна быть сосредоточена в одних и тех же руках; но недостаточно, чтобы эти руки менялись, необходимо также, если это только возможно, чтобы они действовали не иначе как под глазами законодателя и чтобы именно он ими руководил. В этом заключается настоящее средство (le vrai secret) для предупреждения того, чтобы они не захватили не принадлежащей им власти»*. Эти слова Руссо не только не подтверждают мнения г. Ковалевского, будто Руссо говорит о равновесии властей в том же самом смысле, в каком его понимал Монтескье, а, напротив, могут служить лучшим опровержением этого мнения, ибо этими словами Руссо, требуя частую смену правителей и постоянный надзор за ними законодателя, очень ярко подчеркивает подчиненность правительственной власти законодательной, подчиненность, исключаящую всякую возможность равновесия между ними.

---

* Pour que l'administration soit forte, bonne et marche bien à son but, toute la puissance executive doit être dans les mêmes mains, mais il ne suffit pas que ces mains changent, il faut qu'elles n'agissent, que sous les yeux du législateur et que ce soit lui qui les guide. Voilà le vrai secret pour qu'elles n'usurpent pas son autorité». Г-н Ковалевский переводит эти слова так: «Иметь хорошую администрацию, сильную, достигающую своей цели, можно только под условием соединения всей исполнительной власти в одних руках. Необходимо также, чтобы эти руки действовали на виду у законодателя и направляемы были им самим. Только под этим условием можно воспрепятствовать захвату не принадлежащей им власти». Характерно для научных приемов г. Ковалевского то, что он пропускает те именно слова Руссо, которые имеют существенное значение для определения природы правительственной власти и которыми Руссо требует, чтобы правители как можно чаще менялись.

«Руссо, — продолжает г. Ковалевский, — так далек от мысли отрицать пользу разделения и равновесия властей, что, говоря о наследственной монархии, он, подобно Монтескье, проводит тот взгляд, что в ней “равновесие властей возможно лишь при существовании наследственной пэрии вроде той, какая имеется в Англии”». Слова, которые приводятся г. Ковалевским в кавычках и которые выдаются им за подлинные слова Руссо, никогда и нигде автором «Общественного договора» не высказывались; они всецело принадлежат самому г. Ковалевскому, который, приписывая их Руссо, очевидно, рассчитывает на то, что те, которые читают его книги, не заглядывают в подлинные сочинения политических писателей. В VIII главе «*Considérations sur le gouvernement de Pologne*», на которую ссылается г. Ковалевский, Руссо говорит и о «равновесии», и о «пэрии», но только в смысле, прямо противоположном тем воззрениям, которые приписывает ему его почтенный истолкователь. В конце этой главы Руссо высказывает мнение, что если в Польше королевская власть была бы наследственной, то нужно бы было для сохранения равновесия, чтобы «пэрия» или «сенаторы» были бы так же наследственны, как в Англии. Но тогда сейм утратил бы свою власть и «польская конституция была бы ниспровергнута».

«В последнем из своих политических трактатов, в “Письмах с горы”, — продолжает г. Ковалевский, — Руссо остается верным всем тем мыслям, выражение которых мы находим в его “Общественном договоре”, в том числе теории разделения властей». Затем г. Ковалевский приводит места из «*Lettres écrites de la Montagne*», в которых, однако, нет ни малейших намеков на равновесие властей в смысле Монтескье. Приводя их в примечаниях, мы не будем утомлять читателя разбором их в тексте и ограничимся лишь последней цитатой, в которой встречается слово «равновесие» и которой поэтому г. Ковалевский придает, очевидно, большое значение. Мы приводим ее в нашем переводе и в связи с теми рассуждениями Руссо, с которыми она стоит в тесной связи и которые только и могут раскрыть ее истинный смысл. «В таком государстве, как Ваше, — говорит Руссо, объясняя своим соотечественникам преимущества государственного строя Женевы, — в котором суверенитет покоится в руках народа, законодатель всегда налицо, хотя он не постоянно проявляет свою деятельность (*quoiqu'il ne se montre pas toujours*). Он собран и автотично возвышает свой голос только

в Большом совете; но вне Большого совета он не упразднен; его члены в разброде, но они не мертвы; они не могут говорить о законах, но могут стоять на страже точного их исполнения (*il peuvent toujours veiller sur l'administration des lois*); это их право, мало того, это их обязанность, тесно связанная с их личностью и которая никогда не может быть у них отнята. Отсюда возникает право представления. Таким образом, представление одного гражданина или нескольких есть не что иное, как выражение их мнения по предмету, входящему в область их компетенции. В этом и заключается ясный и несомненный смысл (*le sens claire et nécessaire*) пятой статьи Эдикта 1707, касающейся права представлений». «Благодаря этой статье, — говорит Руссо в том же восьмом “письме с горы”, — Ваша конституция, в других отношениях страдающая многими существенными недостатками, является лучшей из всех когда-либо существовавших, ибо какой государственный строй лучше того, все части которого находятся в полном равновесии, в котором частные лица не могут нарушать законы, потому что они подчинены судьям, и в котором эти судьи в свою очередь не могут нарушать их, потому что они стоят под надзором народа». Очевидно, что Руссо здесь вовсе не говорит о равновесии властей в смысле Монтескье, которое достигается равномерным распределением верховных полномочий между носителем исполнительной власти и двумя законодательными палатами, а о той уравновешенности в государственном строе, которая достигается одинаковым подчинением законам как правителей, так и управляемых и которая в Женеве обеспечивается тем, что в ней каждое нарушение закона со стороны подданных карается судом, применяющим только законы, а такое же нарушение закона со стороны правителей влечет за собою привлечение их к ответственности народом, на основании 5 статьи Эдикта 1707 г.

Приводимые г. Ковалевским цитаты, таким образом, или вовсе в сочинениях Руссо не встречаются, или же неверно им переданы, или же имеют смысл, прямо противоположный тому, который пытается вложить в них почтенный автор.

Но еще характернее для научных приемов г. Ковалевского то заключение, которым он заканчивает свой разбор приведенных нами цитат. Вот это заключение: «Сделанные выписки, как нам кажется, вполне устанавливают тот факт, что между учением Монтескье о необходимых условиях политической свободы и воззрениями Руссо и Мабли нет принци-

ального различия*, но это не значит, что взгляды этих трех писателей на данный вопрос были вполне тождественны. Отправляясь *от теории Монтескье, Руссо и Мабли придали ей большую логическую строгость* и сделали из нее те крайние выводы, на которые едва ли бы решился сам Монтескье. Если политическая свобода, рассуждали они, требует строгого обособления и исполнительной власти от законодательной, то спрашивается, какое основание давать королю право созывать и распускать палаты или отказывать в утверждении изданных ими законов». Г-н Ковалевский утверждает, таким образом, что Руссо, отрицая за правительственной властью право останавливать решения законодательной власти, придал этим учению Монтескье большую логическую строгость. Между тем Монтескье видел, как известно, в этом праве главное условие равновесия властей и категорически утверждает, что если исполнительная власть будет лишена его, то законодательная власть силою вещей захватит в свои руки всю полноту власти, воцарится крайний деспотизм и политическая свобода исчезнет бесследно. Господин же Ковалевский также категорически заявляет, что Руссо, отрицая это право за правительственной властью, т. е. главное условие равновесия властей, придал учению Монтескье о равновесии властей лишь большую логическую строгость.

Если такого рода выводы обнаруживают логическую строгость, то мы смело утверждаем, что г. Ковалевский с необычайной «логической строгостью» примирил учение

---

* Что не мешает г. Ковалевскому в другом месте утверждать, что такое принципиальное различие существует. На с. 437 мы читаем: «Но если от этих чисто философских рассуждений мы перейдем к основным задачам государственного устройства, нам на каждом шагу придется отметить полное несоответствие между взглядами двух писателей (т. е. Монтескье и Руссо)... Монтескье допускает разделение суверенитета, Руссо высказывается против него. Монтескье считает правительство одним из органов самодержавия, Руссо низводит его до роли простого уполномоченного, действующего в чужом интересе. Монтескье комбинирует с разделом суверенитета обособление законодательной, и исполнительной, и судебной власти и подает голос в пользу их взаимного ограничения и равновесия, Руссо объявляет самодержавие не только неделимым, но и неотчуждаемым, почему исполнительная власть сановников подчинена законодательной власти народа, который дает ей жизнь в форме учредительного закона и определяет своим выбором ее личный состав».

Монтескье о равновесии властей с учением Руссо о подчинении правительственной власти суверенной власти законодателя.

2. Воззрение г. Ковалевского на отношение «Общественного договора» Руссо к его «Institutions politiques»³

Г-н Ковалевский не только оригинально толкует воззрения Руссо на различные функции государственной власти, но и очень своеобразно объясняет отношение его «Contrat Social» к задуманному им в Женеве политическому трактату «Institutions politiques». Давая эти объяснения, он резко уклоняется от взгляда, установленного новейшими издателями неопубликованных сочинений Руссо, хранящихся среди других бумаг и документов автора «Общественного договора» в библиотеках Женевы и Невшателя.

Г. Ковалевский, очевидно, этих бумаг и документов не видел и не изучал. Это, однако, не мешает ему очень резко и определенно высказывать взгляды, противоречащие выводам тех исследователей, которые на основании своих работ в архивах и библиотеках Женевы и Невшателя установили определенные взгляды на соотношение главных политических трактатов Руссо.

Мы напомним читателю этот взгляд, прежде чем перейти к разбору оригинальных мнений г. Ковалевского.

«Общественный договор», сказали мы*, не есть отрывок «Institutions politiques», как хочет уверить нас Руссо, а самостоятельное сочинение, которое было наполовину окончено, прежде чем определился план его политического трактата, задуманного в Женеве в 1754 году. Этот трактат не сохранился в бумагах Руссо, и напечатанные Штрекейзен-Мульту «Fragments des Institutions politiques»⁴ суть не отрывки из него, а частью черновые наброски, фрагменты писем и отдельные мысли, написанные в различное время и по различным поводам, частью уцелевшие обломки начатых работ. Руссо задумывает в Париже целый ряд литературных работ, стоящих в связи с теми вопросами,

---

* Алексеев А. С. Этюды о Руссо. Т. II. С. 47.

которые он затрагивает в первых двух диссертациях. К этим проектам принадлежит и «Общественный договор» (первоначальный текст которого был написан не позднее осени 1754 г.).

Во время своего пребывания в Женеве в 1754 г. у Руссо созревает план обширного политического трактата, который он хотел озаглавить «*Institutions politiques*», в котором он намеревался развить всего цельнее всю систему своих нравственных и политических принципов. Этот план заслоняет собою все его прежние литературные проекты, не исключая и «Общественного договора».

Внешние обстоятельства, пережитые Руссо по возвращении из Женевы, и новые литературные замыслы, созревшие в Эрмитаже и в Монморанси («Новая Элоиза» и в особенности «Эмиль»), заставляют его отказаться от «*Institutions politiques*». Не желая, однако, оставить под спудом свою политическую доктрину, он решается извлечь из своих старых бумаг заброшенную когда-то первоначальную редакцию «Общественного договора». Он перерабатывает ее и издает в 1762 г.⁵

Эти выводы, к которым мы пришли в наших «Этюдах о Руссо»*, нашли себе подтверждение в трудах Дрейфус-Бризакка⁶, имевшего под руками документы, которые мы изучали в библиотеках Женевы и Невшателя, и переиздавшего в 1896 г. первоначальный текст «Общественного договора»**, впервые нами изданный в 1887 г.***. Дрейфус-Бризак видит в «Общественном договоре» не фрагмент «*Institutions politiques*», а законченное сочинение, представляющее собою систематическое целое (*un tout complet et bien ordonné*****), и признает совершенно произвольным утверждение Штрекейзен-Мульту, что изданные им отрывки представляют собою уцелевшие фрагменты «*Institutions politiques*»*****.

Иного мнения держится г. Ковалевский. Он уверяет, что изданный нами первоначальный текст «Общественного договора» представляет собою сохранившийся отрывок «*Institutions politiques*», другие части которого сохранились в фрагментах, напечатанных Штрекейзен-Мульту. «Многие, — говорит г. Ко-

* *Алексеев А. С.* Этюды о Ж. Руссо. Т. II. Связь политической доктрины Руссо с государственным бытом Женевы. С. 47–48.

** *Du Contrat Social par Edmond Dreyfus-Bryzac.* Paris, 1896.

*** *Алексеев А. С.* Этюды о Руссо. Т. II. Приложение I. С. 1–4.

**** *Dreyfus-Brisac.* Introduction II.

***** *Dreyfus-Brisac.* Introduction P. IX, X.

валевский, — совершенно напрасно подвергли сомнению, что “Общественный договор” не более как извлечение из ранее написанного, но не законченного труда. А между тем в Женеве уцелели отрывки из одного сочинения (т. е. напечатанный нами в 1887 г. первоначальный текст «Общественного договора») и простого сопоставления их с тем, что обнародовано было Руссо по вопросам политики, достаточно, чтобы признать эту весьма несовершенную (?)* рукопись первоисточником всех его позднейших рассуждений о природе общества, народного суверенитета, закона и правительства... Сочинение это (т. е. «Institutions politiques»), — продолжает г. Ковалевский, — согласно утверждению его, существовало в эпоху редактирования им как “Эмиля”, так и “Общественного договора” и подвергнуто было уничтожению, как мы видели не полному, только впоследствии из него перешел в “Эмиля” общий план политического образования. “Общественный договор”, по всей вероятности, целиком заимствован из этой неизданной рукописи, да и не он один, а почти вся статья (?)** “Энциклопедии”, посвященная политической экономии, что позволяет отнести время редактирования трактата об учреждениях к периоду сотрудничества Руссо с Даламбером и Дидро». Далее г. Ковалевский утверждает, что как фрагменты, напечатанные Штрекейзен-Мульту***, так и отрывок, изданный в 1896 г. Дрейфус-Бризаком****, представляют собою наравне с изданной нами женевской рукописью сохранившиеся обломки «Institutions politiques».

Все эти утверждения г. Ковалевский высказывает совершенно голословно, не делая даже попытки обосновать их какими бы то ни было доводами.

* Мы, которые издали эту «весьма несовершенную рукопись», можем уверить г. Ковалевского, что она представляет собою начисто четким и красивым почерком Руссо написанный первоначальный текст первых двух книг «Общественного договора». В подтверждение наших слов можем привести другого свидетеля, который также имел под руками этот манускрипт и также описывает эту «весьма несовершенную рукопись».

** Это утверждение г. Ковалевского может также служить одним из образчиков «точности» тех данных, которые г. Ковалевский сообщает своим читателям: из первоначального текста «Общественного договора» заимствована не «почти вся статья “Энциклопедии”, посвященная экономии», а всего лишь десятая часть.

*** Р. 417, 418, 419.

**** *Dreyfus-Brisac*. Introduction VI.

Всякому, сколько-нибудь знакомому с теми отрывками, которые г. Ковалевский выдает за фрагменты «Institutions politiques», и изучившему их в подлинных рукописях, не трудно опровергнуть утверждения почтенного автора и показать, что эти фрагменты никакого отношения к утраченному трактату Руссо не имеют.

1) Во-первых, неверно, будто изданная нами рукопись (первоначальный текст «Общественного договора») есть часть «Institutions politiques». Эта рукопись не носит никаких признаков отрывка, принадлежащего к большему целому. Она, вне сомнения, представляет собою первоначальный текст «Общественного договора» и как таковой является самостоятельным трактатом, имеющим свое заглавие, начинающимся с первой главы первой книги и снабженным введением, которое определяет его задачу и программу не как части большого целого, а как самостоятельного сочинения. Этот первоначальный текст «Общественного договора» не может быть отрывком «Institutions politiques» и потому, что был написан, как это не отрицает и г. Ковалевский, до пребывания Руссо в Женеве в 1754 г., а только во время этого пребывания в своем родном городе Руссо, как он нам об том рассказывает в «Confessions», начал «переваривать» план своих «Institutions politiques»*. Очевидно, что сочинение, написанное до 1754 г., не может быть частью трактата, план которого Руссо только еще обдумывал в этом году.

2) Во-вторых, неверно, будто рукопись, впервые напечатанная Дрейфус-Бризаком под заглавием: «Que l'état de guerre naît de l'état Social»⁸, есть часть «Institutions politiques». Этот отрывок, содержащий зачатки мыслей, подробно развитых в «Dissertation sur l'inégalité», был, по справедливому замечанию издателя*, написан до 1752 г., т. е. задолго до того времени, когда Руссо начал разрабатывать план своих «Institutions politiques».

3) В-третьих, неверно, будто фрагменты, изданные Штреккен-Мульту, — отрывки «Institutions politiques». Мы под-

---

* Au milieu de ces dissipations je ne perdis ni le goût ni l'habitude de mes promenades solitaires et s'en faisant souvent d'assez grandes sur les bords du lac, durant laquelle ma tête, accoutumée au travail, ne demeurait pas oisive. Je digérais le plan déjà formé de mes «Institutions politiques», dont j'aurai bientôt à parler (Confessions. P. II. L. VIII, 206)⁷.

** Dreyfus-Brisac. Introduction VI.

вергли все эти фрагменты самому подробному просмотру в Невшательской библиотеке, где они хранятся среди других бумаг Руссо, и подробно описали их во втором томе наших «Этюд о Руссо». Изучение подлинного рукописного материала, из которого черпал Штрекейзен-Мульту, привело нас к следующим выводам, в свое время и в своем месте подробно мотивированным.

Отрывки, напечатанные Штрекейзен-Мульту под общим заглавием «Fragments des Institutions politiques» и сгруппированные им по отделам, из которых каждый имеет свое особое заглавие, дают читателю совершенно неверное представление о том материале, который имел под руками Штрекейзен-Мульту. Этот материал не образует собою такого связного целого, какое преподносит читателю издатель, а является беспорядочным сборищем черновых бумаг, которое далеко не исчерпано тем, что напечатано Штрекейзен-Мульту, и из которого он извлекает только то, что ему казалось способным фигурировать в качестве уцелевших фрагментов «Institutions politiques». Напечатанные Штрекейзен-Мульту отрывки — не обломки того обширного политического трактата, о котором Руссо говорит в своей «Исповеди», а частью отрывочные мысли и черновые наброски, частью фрагменты трактатов, задуманных независимо от «Institutions politiques». Эти фрагменты относятся к первой эпохе литературной деятельности Руссо и написаны между первой и второй диссертацией, т. е. в эпоху, когда Руссо еще не составлял плана своих «Institutions politiques»*.

Г-н Ковалевский хочет уверить своих читателей, что не только сохранились фрагменты «Institutions politiques», но что, кроме того, хранятся в Невшательской библиотеке «даже наброски целого сочинения, предметом которого было бы выяснение как условий, от которых зависит величие и счастье наций, так и природы законов, роли религии и нравов, в том числе представлений о чести, на (?)⁹ устойчивость государств, наконец, того разлагающего влияния, какое могут оказать на них роскошь, торговля и искусства. Сочинение должно было заключать в себе отдельные главы, посвященные анализу тех злоупотреблений (abus), повод к которым дает жизнь в обществе и критику «Платоновской республики»».

Можем уверить г. читателя, что такой рукописи в Невшательской библиотеке нет и что сочинение, содержание которо-

* См.: Алексеев А. С. Этюды о Руссо. Т. II. С. 43.

го таким серьезным тоном и с такой уверенной точностью передает г. Ковалевский, представляет собою плод его измышления. Канвой же для этого измышления послужил почтенному автору ряд заглавий, которые находятся на оборотном листе рукописи, хранящейся, впрочем, не в Невшательской библиотеке, а в Женеве*, и которые написаны Руссо в разное время и разными чернилами.

Вот эти заглавия, под которые можно подвести любое содержание:

Grandeur des nations.

Des lois.

De la religion.

Des F...

Du commerce.

Des voyages.

Des aliments.

Abus de la société.

Culture des sciences.

Examen de la République de Platon¹⁰.

К сказанному мы ничего прибавить не имеем и можем только пожалеть о тех доверчивых читателях, которые вводят-ся в заблуждение поспешными и смелыми выводами, подобными только что указанным.

* См.: Алексеев А. С. Этюды о Руссо. Т. II. С. 32.